

В просторных покоях дворца воцарилась глухая, осязаемая тишина, нарушаемая лишь неровным дыханием присутствующих. Новость, сорвавшаяся с губ Хан Сиэня, повергла Бай Вэньхана в глубочайшее потрясение. Позабыв обо всех приличиях и строгом запрете смотреть в лицо императору, он резко вскинул голову, не в силах поверить услышанному.

Затем его взгляд медленно переместился ниже, туда, где на коленях, мелко дрожа всем телом, стоял Бай Цзюнь. Вэньхань перевел взор на трон, где восседала Вдовствующая императрица. Лицо престарелой правительницы застыло бесстрастной маской, не выдавая ни единой мысли.

В груди Бай Вэньхана росла горькая обида. Он вспомнил, как угасала их мать, когда Бай Цзюнь внезапно охладил к ней. Она таяла день за днем, брошенная и забытая, пока наконец не испустила дух вскоре после рождения второго сына, маленького Бай Шу.

Ему также довелось стать свидетелем и другой трагедии: еще в детстве младший брат чудом выжил после коварного покушения. Но даже тогда их отец не проявил ни капли беспокойства. Он остался глух и безразличен к судьбе едва не погибшего сына.

Уже тогда Вэньхань окончательно вычеркнул отца из своей жизни.

Оставив столицу, он забрал Бай Шу на суровую границу. Там, вдали от былой роскоши, они делили тяготы военной службы с простыми солдатами, переноса лишения, способные сломить изнеженного столичного барина.

В тишине долгих бессонных ночей, вслушиваясь в завывание ветра над заставой, он без конца задавался вопросом: чем же госпожа Ван так околдовала Бай Цзюня? Отец вел себя как безумец, заткнув уши от пересудов света. Он спокойно взирал на то, как калечат его собственных сыновей, лишь бы возвысить эту женщину.

И вот теперь, после громогласных слов Хан Сиэня, пелена наконец спала с его глаз. Все неразрешимые загадки прошлого обрели зловещую ясность.

На губах Бай Вэньхана проступила горькая усмешка.

«Если Бай Энъ действительно сын Вдовствующей императрицы, — подумал он, — разве мог он оставаться безродным бастардом в доме Бай?»

Именно поэтому, едва принеся младенца в дом, Бай Цзюнь принялся настаивать, чтобы их мать признала ребенка законным сыном. Получив твердый отказ, отец безжалостно отвернулся от жены. Он морил ее безразличием до самой кончины, а едва похоронив, тут же возвысил госпожу Ван до законной супруги. Так Бай Энъ получил столь желанный статус законнорожденного наследника и стал самым избалованным любимцем в семье.

Если бы в свое время Вэньхань не проявил твердость и не увез маленького Бай Шу подальше от этой змеиной ямы, столица наверняка стала бы для них обоих могилой.

Пожалуй, стоило поблагодарить Вдовствующую императрицу за то, что она не приказала убрать их с дороги, пока они находились на окраинах империи.

Все эти годы они с братом ежедневно балансировали на грани жизни и смерти, проливая кровь и пот ради крупниц воинской славы. Лишь собственными силами они пробили себе дорогу обратно в столицу и завоевали уважение при дворе. И пусть по крови они оставались старшими законными потомками клана Бай, душой они давно отреклись от этого дома.

Бай Вэньхань всегда полагал, что это идеальное положение дел. Дела дома Бай их не касались, а их собственные успехи оставались закрытой книгой для бывших родственников. Сохраняя на людях холодную вежливость, в душе они оставались чужаками, которые не переходят друг другу дорогу.

Но теперь, когда на свет божий вылезла эта грязная тайна, прошлое снова настигло их. Перед глазами всплыли события недавних дней: покушение на Хан Сиэня и принца Цзи Ло. Тогда они с Бай Шу пришли на помощь и спасли юношей, но вместо благодарности Бай Цзюнь подверг собственного сына жестокому домашнему наказанию на глазах у всех.

Тогда вину за организацию покушения поспешно возложили на Великую принцессу, но мыслящие люди понимали: дело шито белыми нитками. Принцесса могла иметь силу на рубежах империи, но здесь, в сердце столицы, она была гостьей. Откуда ей взять столь многочисленную и преданную свору убийц?

Однако если за кулисами стояла сама Вдовствующая императрица, все нестыковки мгновенно исчезали.

Теперь Бай Вэньхань осознал: гнев Бай Цзюня не был случайным. Тот исходил яростью лишь потому, что его родной сын невольно разрушил замысел императрицы. Устроив показательное судилище и избив старшего сына до полусмерти, Бай Цзюнь пытался доказать преданность своей тайной покровительнице.

В тот день отец, должно быть, искренне жалел, что не забил его насмерть.

Теперь, когда вскрылось преступление государственной важности, гибель клана Бай стала неизбежной. И эта тень падет на них с братом. Бай Вэньхань не знал, радоваться ему или скорбеть. Но больше всего его ранила память о матери — ее погубили ради того, чтобы Бай Цзюнь мог проложить себе дорогу наверх через постель императрицы.

Путь чиновника скользок и опасен. Бай Цзюнь в свое время познал и взлеты, и падения, едва не лишившись всего из-за чужих козней. Он удержался на плаву, но цена оказалась омерзительной — он стал наложником Вдовствующей императрицы.

Вэньхань впервые в жизни порадовался, что его мать ушла из этого мира так рано, избавившись от позора. Мысль эта казалась кошунственной, но была самой честной в его сердце.

В отличие от терзаемого безмолвной бурей брата, Бай Шу оставался внешне безучастным. Он смутно помнил детские годы, хотя кошмары тех лет до сих пор изредка посещали его во сне. Когда-то брат твердил ему, что Бай Цзюнь — их отец, а клан Бай — их родная кровь, и потому поднимать на них руку нельзя. «Относись к ним как к чужакам», — говорил Вэньхань.

И Бай Шу послушался. Бай Цзюнь превратился для него в прохожего на улице. Совершал ли этот человек гнусные преступления или поднимался к вершинам власти — юноше не было до этого дела.

Куда сильнее грязных тайн двора его тревожил порез на холемом пальце Хан Сиэня. Бай Шу не спускал глаз с юноши, терзаясь беспокойством: как тот собирается распутывать этот смертельно опасный клубок?

Император пребывал в глубоком потрясении. Сначала слова Хан Сиэня показались ему безумным бредом, нелепой дерзостью. Однако едва он перевел взгляд на Бай Цзюня, застывшего в немом ужасе, как пелена спала с его глаз.

Отец семейства дрожал вовсе не от страха, что Бай Эня признают сыном Благородной супруги Ши. Он отлично знал, что юноша не принадлежит к ее роду. Его до смерти пугало разоблачение: этот юнец — незаконнорожденный плод его собственной греховной связи со Вдовствующей императрицей, которого та пыталась навязать государю в качестве потерянного сына.

Император медленно повернул голову к матери. Теперь ее коварный замысел предстал перед ним во всей наготе. Она хотела подсунуть ему собственного безродного ублюдка под видом законного наследника! Какую цель она преследовала? Государь похолодел от ужаса, когда догадка озарила его разум.

Стоило Благородной супруге Ши признать этого юношу своим сыном, как тот, независимо от воли государя, получил бы великокняжеский титул и право на престол.

Борьба за трон всегда была беспощадной, кровавой баней. Кто выйдет из нее победителем, а кто сгинет без следа — предугадать невозможно. И его родная мать решилась на такое кошунство! Она была готова отдать Поднебесную ублюдку, не имеющему ни капли благородной крови клана Цзи!

Как у нее только поднялась рука? Неужели она не убоилась гнева предков императорского рода, перед которыми ей рано или поздно придется держать ответ на Мосту Беспомощности?

Вдовствующая императрица безмолвно сносила ярость сына. Ее лицо оставалось

непроницаемым. Она неспешно оглядела присутствующих, пока не остановила тяжелый, давящий взор на Хан Сиэне. В ее глазах тлеяла глубокая ненависть.

Этот дерзкий юнец с первой встречи вызывал у нее лишь раздражение. Тогда он посмел явиться к ней без должного почтения, проигнорировав земной поклон, и долго смотрел на расписную ширму мертвенным взглядом, бледный как полотно.

А ведь за той ширмой не было ничего особенного — лишь бездыханное тело задушенной накануне служанки. Тогда она решила, что из-за немощи Хан Сиэнь стоит на пороге могилы и видит то, чего не дано зреть живым. Лишь поэтому она сквозь пальцы посмотрела на его вопиющую дерзость.

Знай она заранее, какими бедами обернется ее снисходительность, она бы еще тогда раздавила наглеца как клопа или приказала перебить ему ноги, чтобы он вовек не переступал порога дворца и не смел совать свой нос в ее тайны.

— Неужели матушка и теперь будет отпираться? — ледяным тоном спросил император. — Неужели вы не боитесь осквернить память покойного отца?

Вдовствующая императрица тяжело вздохнула. Ее взгляд опустился на содрогающегося от ужаса Бай Цзюня, а затем скользнул к бледному, беззащитному Бай Энью. При виде младшего сына ее суровое сердце на миг дрогнуло от щемящей нежности.

Она выпрямилась и ровным голосом ответила:

— Вся вина лежит на мне одной. Поступай со мной так, как велит твой долг, император.

На ее губах проступила горькая, едва заметная усмешка. Прошрое, казалось, вновь ожило перед ее мысленным взором.

В юности она не знала ласки покойного государя, обделенная его вниманием и теплом. Она безропотно несла свой крест, пока судьба не одарила ее сыном.

В ней бурлило честолюбие. Не имея возможности опереться на благосклонность супруга, она поклялась возвести своего первенца на вершину власти. Но в те темные времена детские жизни в императорском гареме угасали одна за другой. Ей приходилось таить свои помыслы, затаившись в тени и шаг за шагом прокладывая путь среди смертоносных интриг.

И ее мечта сбылась — сын взшел на престол. В первые годы правления, сплоченные пережитыми испытаниями, они оставались близки как никогда. Но время неумолимо шло. Император отпраздновал пышную свадьбу, а дворцовые павильоны заполнили юные наложницы.

Государь мужал, и материнская опека стала казаться ему тяжким бременем. Он все дальше отдалялся от нее, а государственные дела и вовсе закрыл от женских ушей, лишив ее прежнего влияния.

Вдовствующую императрицу душили одиночество и горькая обида. Глядя на холодность собственного сына, она с новой силой вспоминала равнодушие покойного супруга. В ее груди закипало глухое негодование.

Юность ее прошла в серости и страхе, но теперь, став самой могущественной женщиной в Поднебесной, она решила взять то, что причиталось ей по праву. В ее дворце появились красивые наложники. Раз законный муж лишил ее ласки, другие были счастливы возместить этот долг.

Бай Цзюня она заметила случайно. В то время он был жалок и растоптан ложными обвинениями врагов. Однако в его привлекательных чертах и дерзком взгляде горела неуголимая жажда власти и упрямая гордыня.

Ей потребовалось лишь сделать легкий намек, и честолюбивый чиновник покорно склонил перед ней колени, став преданным слугой ее тайных утех.

Появление Бай Эня на свет стало чистой случайностью. Бай Цзюнь, трусливо дрожа за собственную шкуру, умолял ее избавиться от плода греха. Но к тому времени дитя уже зашевелилось под ее сердцем. Глядя на малодушный страх любовника и чувствуя, как угасает привязанность старшего сына, она упрямо решила оставить ребенка.

Она знала, что никогда не сможет назвать его своим сыном перед всем миром. Бай Цзюнь порывался отдать новорожденного младенца чужим людям, но она наотрез отказалась.

Владычица приказала фавориту забрать дитя в свое поместье. Не имея возможности окружить его царской роскошью, она хотела хотя бы видеть его рядом. Госпожу Ван приставили к младенцу не просто так — та должна была беспрекословно выполнять любые указания великой покровительницы.

Старшие сыновья Бай Цзюня кололи ей глаза одним своим существованием. Она не раз порывалась стереть их в порошок, но любовник проявил неожиданную твердость, умоляя пощадить его собственную плоть и кровь.

К счастью, вскоре старший сын увез маленького Бай Шу на суровую границу. Они перестали маячить перед глазами, и императрица великодушно позволила им влачить свое жалкое существование в глуши.

Поначалу она хотела лишь устроить судьбу Бай Эня, но по мере того как родной сын отдалялся от нее, обида отравляла ее разум. Вдобавок подросший юноша унаследовал едва заметные черты императорского лика. Это сходство и породило в ее душе страшную, безумную мысль:

почему один ее сын восседает на троне, а второй вынужден склонять голову перед каждым встречным?

Опасный замысел пустил глубокие корни в ее сознании, заставляя делать шаг за шагом навстречу бездне. Но стоило ей приблизиться к заветной цели, как вся паутина порвалась в одно мгновение.

Закончив свое горькое признание, престарелая владычица устремила на государя взгляд, полный затаенной печали.

— Мы прошли путь от великой любви до взаимной ненависти, — тихо вымолвила она. — Я просто слишком сильно хотела дать ему то, чего он заслуживает. Но мое честолюбие сгубило нас всех.

Слезная исповедь матери не тронула ледяного сердца Хан Сиэня. Он оставался невозмутим, лишь краем глаза заметил, как Бай Шу продолжает упорно рассматривать его пораненный палец.

Хан Сиэнь небрежно убрал руку в широкий шелковый рукав халата. Ледяной голос юноши безжалостно разрушил хрупкую атмосферу семейной драмы:

— Из ваших речей, Вдовствующая императрица, следует, будто мысль выдать Бай Эня за царственного отпрыска пришла к вам лишь недавно. Но как тогда быть с тем, что произошло много лет назад в покоях Благородной супруги Ши? Кто заставил ее поверить, что этот юноша — ее кровь и плоть? И если Бай Энь не ее ребенок... то где же тогда настоящий сын Благородной супруги Ши?

При этих словах Благородная супруга Ши покачнулась, словно от удара в грудь. Сорвавшись с места, она подбежала к трону и уставилась на престарелую владычицу безумными, полными ужаса глазами. Ее голос сорвался на истошный хрип:

— Если Бай Энь не мой сын... то где же мой ребенок?! Где мое дитя?!

<http://bllate.org/book/20088/2002062>